

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/293-308

Научная статья

© Ю. А. Алексеев

КОНСТРУКЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОГО ИНДУИСТСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТРА

В современном мире обряд кремации на погребальном костре наиболее широко представлен в Индии. Одним из наиболее важных его практических аспектов является конструкция погребального костра. Её определяет множество факторов, наиболее значимые среди которых — тип топлива, условия окружающей среды и этноконфессиональные особенности погребального обряда. Цель настоящей работы — изучение вариаций конструкции индуистских погребальных костров и её анализ в связи с обрядовыми действиями участников погребальной церемонии и протеканием процесса трупосожжения. Данные были собраны на территории кремационного центра Таджганж в г. Агра, Индия, в ходе Российско-Индийской антропологической экспедиции Центра палеоэтнологических исследований и Государственного биологического музея им. К. А. Тимирязева 2018, 2019 и 2022 гг. Исследование проводилось с помощью визуального наблюдения процесса складывания погребальных костров с занесением описания в бланк и зарисовкой конструкции костра, а также неструктурированных интервью участников погребального обряда. Было сделано 166 наблюдений кремаций, 19 зарисовок конструкции погребальных костров и 8 наблюдений обрядовых действий, а также проведено 6 неструктурированных интервью. Было выделено три типа конструкции погребальных костров: дровяной, кизяковый и смешанный. Все три типа имеют прямоугольную форму и обций план строения. Их основу составляет трёхслойное дровяное ложе, на котором размещается тело усопшего в положении на спине с вытянутыми конечностями, закрытое сверху слоями топлива. Варианты конструкции с использованием кизяка можно считать попыткой адаптировать исходную форму к использованию иного вида твёрдого топлива. Все три варианта костра имеют устойчивую конструкцию, предотвращающую выпадение тела за пределы пламени при прогорании топлива. Относительные размеры погребального костра, способы фиксации конечностей и покрывающий слой топлива имеют тесную связь с положением тела на ложе. Полученные результаты могут быть использованы как сравнительные данные в археологических исследованиях.

Ключевые слова: кремация, трупосожжение, индуистский погребальный обряд, индуизм, Агра, Индия

Ссылка при цитировании: Алексеев Ю. А. Конструкционные аспекты традиционного индуистского погребального костра // Вестник антропологии. 2026. № 1. С. 293–308.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/293-308

Original article

© *Yuri Alekseev*

TRADITIONAL HINDU FUNERAL PYRE: CONSTRUCTIONAL ASPECTS

Today the rite of cremation on a funeral pyre is most widely represented in India. One of its most important practical aspects is the construction of the pyre. This depends on various factors, the most significant of which are the type of fuel, the environmental conditions and the ethno-confessional specifics of the funeral rite. This work aims to study the variations in the construction of Hindu funeral pyres. Data were collected at the Tajganj cremation center in Agra, India, during the Russian-Indian anthropological expedition of the Paleoethnological Research Center and the State Biology Museum named after K.A. Timiryazev in 2018, 2019, and 2022. Research methods included visual observation and description of the pyre-building process, sketching the pyre construction, and conducting unstructured interviews with participants in the funeral rite. A total of 166 observations of cremations and 19 sketches of the pyre construction were made, and 6 unstructured interviews were conducted. The author identified three types of funeral pyre: wood, dung and mixed. All of them have a rectangular shape and a common construction plan. The basis of each pyre is a three-layer bed on which the body of the deceased lies in a supine position, covered by layers of fuel. The relative sizes of the pyre, the methods used to fix the limbs and the covering layer of fuel are related to the position of the body on the bed. The results of the study can be used as comparative data in archaeological research.

Keywords: cremation, body burning, Hindu funeral rites, Hinduism, Agra, India

Author Info: Alekseev, Yuri A. — Senior Research Fellow, the State Biology Museum named after K. A. Timiryazev (Moscow, Russian Federation). E-mail: alekseev@gbmt.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8375-5377>

For citation: Alekseev, Yu. A. 2026. Constructional Aspects of Traditional Hindu Funeral Pyre. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 293–308.

Введение

Индуистский погребальный обряд, или *антьешти*, давно привлекает внимание не только индологов и религиоведов, но и археологов, а также специалистов в области судебной экспертизы. Причина подобного интереса со стороны последних двух категорий исследователей проста — для изучения как древних кремаций, так и современных (к счастью, редких) криминальных трупосожжений с использованием дров, необходимы сравнительные данные. В настоящее время кремация на костре сохранилась в странах Южной и Юго-Восточной Азии, однако наиболее часто она применяется в Индии и Непале, где преобладает индуистское население.

Современный индуистский погребальный обряд эволюционировал из ведийского, унаследовав значительную часть его элементов (Davis 1988; Ondračka 2022). Общую структуру ведийского погребального обряда можно реконструировать на основе текстов Ригведы и Атхарваеды, а детальное руководство по проведению ан-

тьешти содержится в обширном списке памятников древнеиндийской литературы, который включает *Грихьясутры*, *Дхармасутры*, *Дхармашастры*, *Пураны*, а также средневековые компендиумы *дхармашастр*, и брахманические практические руководства по проведению ритуала (*наддхати*). В полном виде ведийский погребальный ритуал был крайне сложен и, вероятнее всего, проводился для членов высших слоёв ведийского общества (Caland 1896; Kane 1953).

Одной из причин трансформации *антьешти* можно назвать переосмысление символического значения церемонии представителями различных течений индуизма, которые придавали новые значения элементам погребального обряда и меняли их согласно своей доктрине (Davis 1988; Mirnig 2018). Помимо этого, как и многие другие аспекты повседневной жизни индуистов, традиция погребальной практики адаптировалась к экономическим, технологическим, социальным и экологическим реалиям (Ondračka 2022).

Само трупосожжение, или *швадаха*, как центральная часть индуистского погребального обряда получало относительно немного внимания со стороны индологов и культурных антропологов. Данная тема больше освещена в работах специалистов в области этно- и биоархеологии, а также судебной антропологии, причём последние зачастую вынуждены опираться на работы этноархеологов (Grévin 2009; Le Goff 2013; Alunni et al. 2014). Ряд археологов придерживается мнения, что изучение современных трупосожжений, проходящих по индуистскому обряду кремации, позволит лучше понять тафономию процесса, а также получить необходимые сравнительные данные, которые позволят реконструировать технологию возведения древних погребальных костров (Grévin 2009; Le Goff 2013; McKinley 2016). Кроме того, полученные при изучении *антьешти* культурно-антропологические и этнографические данные при определённом подходе могут быть экстраполированы на ритуалы носителей древних культур, что было продемонстрировано Т. Эстигором в его работах (Oestigaard 1999; Oestigaard 2000).

В свете необходимости получения сравнительных данных о технологиях кремации на костре информация о вариантах конструкции погребальных костров выглядит особенно ценной. К сожалению, древнеиндийские литературные памятники могут предоставить крайне мало сведений по этому вопросу. Несмотря на то, что этапы *антьешти* описаны в *грихья-* и *дхармасутрах* очень подробно, погребальному костру уделяется крайне мало внимания. Из «*Ашвалаяна-грихьясутры*» мы знаем, что на месте кремации необходимо выкопать яму длиной в длину тела с вытянутыми руками, шириной в одну *вьаму* (сажень)¹ и глубиной в одну *витасту* (пядь)², из чего можно предположить, что длина и ширина погребального костра будут немногим меньше, чем размеры ямы (Ашвалаяна-грихьясутра 1990: IV, 1, 6–11; The Grihya-sūtras 1892: 236–237). Что касается конструкции самого погребального костра, то на определённом этапе ритуала «человек, который знает, как это делать, складывает погребальный костёр» (Ашвалаяна-грихьясутра 1990: IV, 2, 14; The Grihya-sūtras 1892: 238). Ввиду этого пробела в литературных источниках необходимые данные о конструкции погребальных костров могут быть получены в процессе этнографического изучения. Хотя отдельные исследователи современного индийского обряда кремации с большей или меньшей детализацией описывают конструкцию погребально-

¹ Примерно 183 см.

² Примерно 17,5 см.

го костра, на сегодняшний день пока нет исследований, которые бы анализировали её функциональные особенности или предлагали бы попытку систематизации (Stevenson 1920: 149–150; Grévin 2007; Singh 2016: 40; Jha 2022). Несмотря на то, что некоторые авторы отмечают вариативность конструкции погребальных костров в отдельных местах, этот вопрос в научных публикациях практически не освещён за исключением единичных описаний различных вариантов погребальных костров Варанаси (Parry 1994; Grévin 2009; Singh 2016).

Поскольку практическая составляющая *антьешти*, связанная непосредственно со сжиганием тела, в значительной степени зависит от природных условий, в которых существует конкретное индуистское сообщество, локальные особенности конструкции погребальных костров имеет смысл рассматривать и с точки зрения взаимодействия населения и среды обитания. К экологическим факторам, влияющим на этот аспект погребального обряда, можно отнести тип доступного топлива и его количество, выделенное на отдельную кремацию.

Основной целью настоящей работы стало подробное описание вариантов конструкции индуистских погребальных костров в связи с деталями обряда и процесса трупосожжения, а также их интерпретация с точки зрения этнической экологии.

Материалы и методы

Материалами данной работы стали наблюдения, сделанные в ходе полевых исследований Российско-индийской антропологической экспедиции Центра палеоэтнологических исследований и Государственного биологического музея им. К. А. Тимирязева летом 2018, весной 2019 и осенью 2022 гг. Наблюдения были осуществлены в г. Агра на территории кремационного центра Таджганж¹ — одного из крематориев, которым пользуется индуистское население города². Данная площадка была выбрана нами для проведения исследования, поскольку это одно из мест в Индии, где кремации проводятся до полного уничтожения мягких тканей.

Основным методом работы стало визуальное наблюдение процесса складывания погребальных костров участниками обряда кремации с занесением описания в специально разработанный бланк и зарисовкой конструкции костра, а также неструктурированные интервью участников церемонии кремации. Всего нами были сделаны наблюдения обстоятельств 166 кремаций, 19 зарисовок конструкции погребальных костров, проведено 48 наблюдений обрядовых действий и 6 неструктурированных интервью участников погребальных обрядов. Все наблюдения и опрос участников погребальных церемоний проводились с их устного согласия, а также с устного согласия главного управляющего крематорием.

Для анализа конструкции погребальных костров автор использовал систему классификации, предложенную в одной из предыдущих работ (Алексеев 2023). В данную систему входит 9 параметров, оказывающих влияние на эффективное использование энергии огня и на характер разрушения тела при сжигании. Их перечень с возможными вариантами приводится в *Табл. 1*.

¹ Опрошенные нами участники погребальных церемоний называли также это место Ямуна-Гхат и Шамшан-Гхат (ПМА 2018в; ПМА 2022в).

² 82,68% населения Агры составляют представители конфессий, для которых кремация является основной формой погребального обряда (80,68% — индуисты, 1,04% — джайны, 0,62% — сикхи и 0,19% — буддисты) (Census 2011).

Описание конструкции погребальных костров проводилось с использованием терминологии, предложенной А. Маршаллом (*Marshall 2011*: 12–14).

Таблица 1

Ключевые параметры строения погребальных костров

№	Параметр	Варианты
1	Тип костра	Открытый / закрытый
2	Основание костра (аналогично термину «место кремации» (<i>pyre-site</i>) у А. Маршалла)	Яма / ровная поверхность / возвышение
3	Тип топлива	Дрова, навоз, иное (описание)
4	Конструкция погребального костра	Описание конструкции
5	Относительные размеры костра	Больше тела / меньше тела
6	Положение тела на костре	На спине, на животе, иное (описание положения)
7	Способы фиксации конечностей	Описание способа фиксации
8	Покрытие тела	Описание покрытия тела, если присутствует
9	Использование постоянных конструкций для кремации	Описание структуры (например, бетонные постаменты, металлические решётки и т. д.)

Результаты

Перед изложением результатов исследования необходимо дать краткое описание кремационного центра Таджганж. Крематорий (*имашан*) представляет собой залитую бетоном площадку шириной и длиной около 30 метров. Здесь расположены четыре ряда мест для сжигания тел, а также отдельно — четыре кирпичных постамента для кремации, оборудованные системой вытяжки и фильтрации дыма¹ (*Рис. 1*).

Анализ сделанных нами наблюдений обрядов кремации показал, что индуисты Агры используют три типа погребальных костров, отличающихся как типом топлива, так и конструкцией: дровяные, кизяковые и смешанные.

Костёр I типа, или дровяной, используется чаще всего (*Рис. 2*). Из 166

Рис. 1. Вид на кремационный центр Таджгандж. Справа видна система вытяжки дыма. 2022 г.

Фото автора

Fig. 1. View of the Tajganj cremation center. The smoke extraction system is visible on the right. 2022. Photo by the author

¹ Из-за своего близкого расположения к архитектурному комплексу Тадж-Махал этот крематорий постоянно находится в фокусе внимания чиновников и общественности. Дым от погребальных костров оседает на мраморной облицовке мавзолея, нанося ей непоправимый ущерб. С целью частичного решения этой проблемы была установлена система вытяжки на 4 погребальных костра.

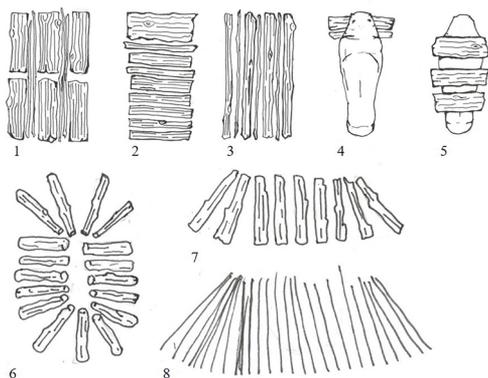

Рис. 2. Схема строения погребального костра I типа (дровяного). 1 — слой 1; 2 — слой 2; 3 — слой 3; 4 — тело (слой 4); 5 — покрывающие дрова (слой 5); 6–7 — покрывающий слой дров (слой 6, вид сверху и сбоку); 8 — хворост (слой 7).

Fig. 2. Construction of a type I funeral pyre (wooden-pyre). 1 — layer 1; 2 — layer 2; 3 — layer 3; 4 — body (layer 4); 5 — covering firewood (layer 5); 6–7 — side-covering layer of firewood (layer 6, top and side view); 8 — brushwood (layer 7).

шнее количество тонких веток или хвороста (*Рис. 3: 1, 2 и 4*), слой 2 несет основную массу топлива (*Рис. 3: 5*). Тело усопшего располагают поверх слоя 3, причём под голову кладут 1–2 полена. Поверх трупа кладут 1–2 покрывающих слоя топлива (*Рис. 2: 5; Рис. 3: 5*). При этом поленья слоя 5, которые кладутся непосредственно на тело, направлены поперечно длине костра. Вокруг костра под наклоном участники погребальной церемонии ставят множество тонких поленьев, которые образуют конструкцию наподобие ската кровли (*Рис. 2: 6 и 7; Рис. 4*). Поверх этого ската также под наклоном располагают хворост, если он есть (*Рис. 2: 8*) (ПМА 2018а; ПМА 2018б; ПМА 2019а; ПМА 2019б; ПМА 2022а; ПМА 2022б).

Костёр II типа (кизяковый) используется реже всего (3 из 166 наблюдений, 1,8%). Его можно охарактеризовать как конструкцию закрытого типа, поскольку лепёшки сушёного навоза сильно ограничивают доступ кислорода к внутренним слоям и, соответственно, к кремируемому телу. Конструкция костра II типа представлена на *Рис. 5*. Первые два слоя имеют идентичную конструкцию и состоят из рядов лежащих под наклоном лепёшек кизяка или же их стопок (*Рис. 5: 1–2*). Поверх ложа участники погребальной церемонии возлагают тело усопшего, причём под голову, в отличие от костра I типа, кладут тот же сушёный навоз. Далее по периметру ложа с телом выстраивают внешний слой костра, который состоит из высоких стопок кизяка (*Рис. 5: 4–5*). Сверху тело засыпают остатками сушёного навоза так, что образуется холмик, вершина которого располагается над туловищем усопшего (*Рис. 5: 6–7*) (ПМА 2018а; ПМА 2018б; ПМА 2022а; ПМА 2022б).

Костёр III типа (смешанный) сочетает в себе черты предыдущих типов. Он был

сделанных нами наблюдений кремаций 141 (84,9%) совершались именно на дровяном костре. Этот костёр открытого типа, где к сжигаемому телу обеспечен свободный доступ кислорода. Его основная часть имеет вид прямоугольного трехъярусного настила (ложа¹), на котором располагается тело кремируемого. В зависимости от размеров и формы дров, имеющих в распоряжении родственников усопшего, ярусы имеют несколько отличающуюся конструкцию (*Рис. 3*). В то же время все варианты укладки дров в слоях имеют общую особенность — в 1 и 3 слоях дрова ориентированы продольно длине костра, а в слое 2 — поперечно. Для слоя 1 характерной особенностью является наличие толстых, около 30–40 см диаметром, бревен или поленьев по краю, выполняющих роль опоры для вышележащих слоёв (*Рис. 2: 1; 3: 1–4*). Слой 2 уложен весьма плотно, причём в тех случаях, когда слой 1 содержит боль-

¹ Здесь и далее под этим термином мы будем понимать состоящую из нескольких слоёв часть погребального костра, на которую возлагается тело.

зафиксирован нами в 20 наблюдениях (12%). Несмотря на относительную малочисленность, этот тип погребального костра демонстрирует наибольшее разнообразие в конструкции слоёв. В зависимости от конструкции первого слоя, костры данного типа можно разделить на 2 подтипа. Первый слой костра типа III-а сложен из кизяка, конструкция его либо аналогична таковой у костров II типа, либо сложена из вертикальных стопок лепёшек коровьего навоза (Рис. 6: 1; Рис. 7: 1). Последующие слои состоят из древесины: дрова в слоях 2 и 4 сложены продольно длине костра, в слое 3 — поперёк (Рис. 6: 2–3; Рис. 7: 2–5). Фактически, их конструкция повторяет конструкцию слоёв 1–3 костров I типа, однако используются дрова меньшего размера, а также хворост (например, Рис. 7: 3, 5 и 8). Поверх четырёх слоёв ложа лежит тело кремируемого, под головой которого располагается полено или несколько лепёшек кизяка. Поверх тела находятся покрывающие слои дров (слои 6 и 6b) и сушёного навоза (слои 7 и 7b) (Рис. 7: 5–8). Как и в случае костров I типа, структура окружается скатом из дров (слой 8) и хвороста (слой 9) (Рис. 2022a; ПМА 2022б).

Нижний слой костров типа III-б, напротив, сложен из древесины. Дрова в слоях 1 и 3 направлены продольно длине костра, в слое 2 — поперёк. Таким образом, слои 1–3 костров данного типа и костров I типа идентичны (Рис. 8: 1–2; Рис. 9: 1–3). Слой 4 сложен из лепёшек кизяка, положенных в один ряд (Рис. 8: 3). Поверх него кладётся тело усопшего (Рис. 7, 4) (ПМА 2018а; ПМА 2018б; ПМА 2022а; ПМА 2022б).

Описание всех трех типов погребальных костров согласно предложенным нами критериям представлено в Табл. 2. Все три типа относятся к прямоугольному типу (box-type по А. Маршаллу). Для всех них характерно ровное основание, размеры, превышающие размеры

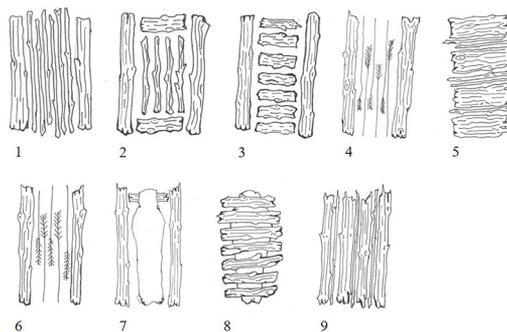

Рис. 3. Варианты конструкции слоёв погребального костра I типа (дровяного) 1–4 — варианты конструкции слоя 1; 5 — вариант конструкции слоя 2; 6 — вариант конструкции слоя 3; 7 — обкладка тела дровами (вариант конструкции слоя 4); 8 — вариант расположения покрывающих дров (слой 5); 9 — конструкция дополнительного слоя покрывающих дров (слой 5-а).

Fig. 3. Variants of the construction of layers of a type I funeral pyre (wooden-pyre)

1–4 — variants of the construction of layer 1; 5 — variant of the construction of layer 2; 6 — variant of the construction of layer 3; 7 — covering the body with wood (variant of the construction of layer 4); 8 — variant of the arrangement of covering wood (layer 5); 9 — construction of an additional layer of covering wood (layer 5-a).

7: 10–11) (ПМА 2018а; ПМА 2018б; ПМА

Рис. 4. Фото погребального костра I типа (дровяного). 2018 г. Фото Д. В. Пежемского
Fig. 4. Photo of a type I funeral pyre (wooden-pyre). 2018. Photo by D. V. Pezhemsky

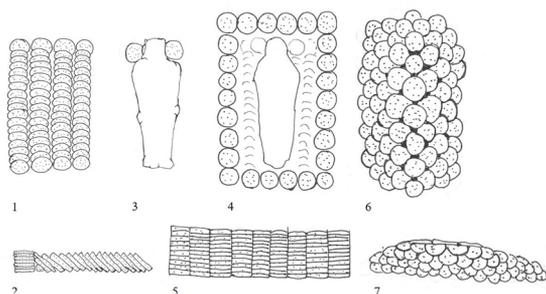

Рис. 5. Схема строения погребального костра II типа (кизякового). 1–2 — слои 1–2 (вид сверху и сбоку); 3 — тело (слой 3); 4–5 — внешний слой кизяка (слой 4, вид сверху и сбоку); 6–7 — верхний слой кизяка (слой 5, вид сверху и сбоку)

Fig. 5. Construction of a type II funeral pyre (cow dung pyre). 1–2 — layers 1–2 (top and side views); 3 — body (layer 3); 4–5 — outer layer of cow dung (layer 4, top and side views); 6–7 — upper layer of cow dung (layer 5, top and side views)

тела (по нашим оценкам, размеры лежа составляют 1,8–2 м в длину, 1–1,6 м в ширину и 0,8–1,2 м в высоту; полные размеры костра могут значительно варьировать в зависимости от способа укладки внешних слоёв топлива). Во всех трёх случаях тело усопшего располагают на ложе в положении на спине с выпрямленными руками и ногами. Чтобы предотвратить сгибание конечностей под действием температуры¹, их фиксируют дровами или сушёным навозом, которые кладут поверх тела. Постоянные структуры (постаменты) используют только при кремации тела усопшего под системой вытяжки дыма с воздушными фильтрами (*Рис. 1*). При этом используют дровяные или смешанные костры, но не кизяковые (ПМА 2018а; ПМА 2019а; ПМА 2022а).

Таблица 2

Особенности строения погребальных костров г. Агра

Критерий	Тип I (дровяной)	Тип II (кизяковый)	Тип III (смешанный)
Тип костра	Открытый	Закрытый	Открытый
Основание	Ровная поверхность	Ровная поверхность	Ровная поверхность
Тип топлива	Дрова	Кизяк	Дрова + кизяк
Конструкция	Многослойный прямоугольный настил	Многослойный прямоугольный настил	Многослойный прямоугольный настил
Относительные размеры костра	Больше тела	Больше тела	Больше тела
Положение тела	На спине	На спине	На спине
Фиксация конечностей	Полено на ногах	Слой кизяка	Полено на ногах
Покрытие тела	1+ слоёв дров	Толстый слой кизяка	2–4 слоя топлива
Постоянные конструкции	Опционально, использовались постаменты под системой вытяжки	Не наблюдалось	Опционально, использовались постаменты под системой вытяжки

¹ Под действием высокой температуры мышцы сокращаются, в результате чего свободно лежащий труп принимает скорченное положение с поджатыми руками и ногами. Данная поза в судебной-медицинской литературе носит название «позы борца» или «позы боксёра».

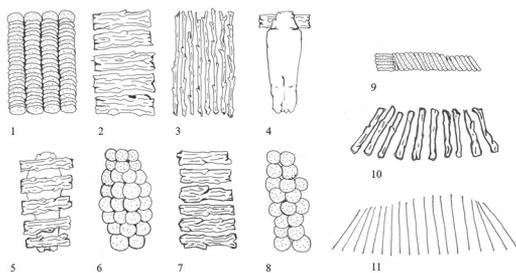

Рис. 6. Схема строения погребального костра III-а типа (смешанного, с кизяковой основой). В данной конструкции пропущен слой 2. 1, 9 — слой 1 (кизяк, вид сверху и сбоку); 2 — слой 3; 3 — слой 4; 4 — тело (слой 5); 5, 7 — покрывающие дрова (слои 6 и 6b); 6, 8 — покрывающие слои кизяка (слои 7 и 7b); 10 — покрывающий слой дров (слой 8, вид сбоку); 11 — хворост (слой 9, вид сбоку).

Fig. 6. Construction of a type III-a funeral pyre (mixed, with a cow dung base). Layer 2 is missing in this construction. 1, 9 — layer 1 (cow dung, top and side views); 2 — layer 3; 3 — layer 4; 4 — body (layer 5); 5, 7 — covering firewood (layers 6 and 6b); 6, 8 — covering layers of cow dung (layers 7 and 7b); 10 — firewood pile (layer 8, side view); 11 — brushwood (layer 9, side view).

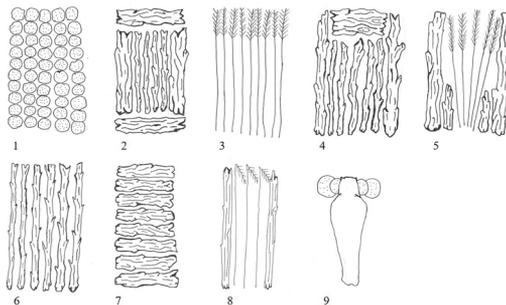

Рис. 7. Варианты конструкции слоёв погребального костра III-а типа (смешанного, с кизяковой основой)

1 — вариант конструкции слоя 1; 2–6 — варианты конструкции слоя 2; 7 — вариант конструкции слоя 3; 8 — вариант конструкции слоя 4; 9 — вариант расположения подголовника (слой 5).

Fig. 7. Variants of the construction of layers of a type III-a funeral pyre (mixed, with a dung base)

1 — variant of the construction of layer 1; 2–6 — variants of the construction of layer 2; 7 — variant of the construction of layer 3; 8 — variant of the construction of layer 4; 9 — variant of the location of the headrest (layer 5).

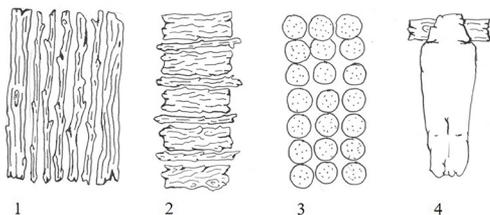

Рис. 8. Схема строения погребального костра III-б типа (смешанного, с дровяной основой). 1 — слой 1; 2 — слой 2; 3 — слой 4; 4 — тело (слой 5).

Fig. 8. Construction of a funeral pyre of type III-b (mixed, with a firewood base). 1 — layer 1; 2 — layer 2; 3 — layer 4; 4 — body (layer 5).

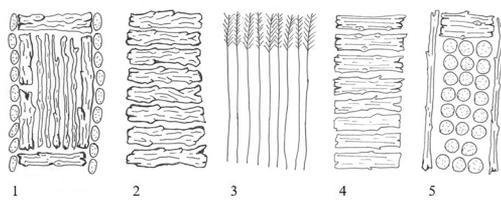

Рис. 9. Варианты конструкции слоёв погребального костра III-б типа (смешанного, с дровяной основой).

1 — слой 1; 2 — слой 2; 3 — слой 3; 4 — слой 2b; 5 — смешанный слой (3b+4).

Fig. 9. Variants of the construction of layers of a funeral pyre of type III-b (mixed, with a wood base). 1 — layer 1; 2 — layer 2; 3 — layer 3; 4 — layer 2b; 5 — mixed layer (3b+4).

По сообщениям респондентов, выбор топлива для костра продиктован как религиозными, так и финансовыми соображениями. По их утверждению, коровий кизяк, который стоит значительно меньше дров, с сакральной точки зрения не отличается от древесины (ПМА 2022а; ПМА 2022в). Нужно отметить, что сушёный буйволиный навоз, который в Индии находит широкое применение в качестве топлива, для кремации не используется. Путём опроса участников погребальной церемонии нами зафиксировано использование в качестве топлива древесины следующих видов деревьев: *нима* (азадирахта индийская, *Azadirachta indica*), *бабула* (акация нильская, *Vachellia nilotica*), *минала* (фикус священный, *Ficus religiosa*), *гулапа* (фикус кистевидный, *Ficus racemosa*), *сесала* (агава сизалевая, *Agave sisalana*), манго (*Mangifera sp.*), а также эвкалипта (*Eucalyptus sp.*) (ПМА 2018а; ПМА 2018в; ПМА 2022а; ПМА 2022в). Древесина сандала, имеющая большое религиозное значение, используется в символических количествах (от одного до десяти брусков массой около 100 г).

Обсуждение

Изучив конструкционные особенности костров всех трёх типов, мы можем предположить, что исходной его формой является прямоугольное многослойное ложе. Для деревянных или смешанных костров, вероятно, первоначальной конструкцией был трёхслойный настил, дрова в верхнем и нижнем слоях которого направлены продольно длине костра, а в среднем — поперёк. Что касается костров из кизяка, то, по всей видимости, конструкция ложа является попыткой воссоздать основные принципы складывания дровяного костра с помощью принципиально иного топлива. Так, на схемах строения первых слоёв костров типов II и III-а коровий навоз сложен в длинные параллельные ряды, направленные продольно длине костра (Рис. 5: 1 и Рис. 6: 1).

Многообразие вариантов конструкции отдельных слоёв в кострах I и III типа можно объяснить тем фактом, что продаваемые на развес дрова могут иметь различные размеры и форму, в том числе не очень подходящую для складывания в горизонтальные слои. В случае костров из смешанного топлива это обстоятельство также усугубляется меньшим количеством приобретаемых для кремации дров. Вероятно, по этой же причине в кострах III типа могут отсутствовать слои с продольно направленными поленьями, или же, напротив, может наблюдаться дублирование слоёв. Проще говоря, складывая погребальный костёр, участники похоронной церемонии стараются собрать наиболее близкую к классической конструкции с учётом количества, размера и формы имеющихся дров. Например, в случае погребального костра из наблюдения 044-2022¹, который лег в основу Рис. 6, отсутствует нижний слой с продольным расположением дров (слой 2 в кострах смешанного типа с кизяковым основанием) (ПМА 2022б). Фактически, его функцию взял на себя слой 1, состоящий из четырёх рядов лепёшек кизяка. Попытки оптимизировать конструкцию костра мы зафиксировали во время наблюдения за кремацией 059-2022 (погребальный костёр смешанного типа с кизяковым основанием), при складывании которого слой 2 (продольно направленные дрова) первоначально пропустили, положив сразу слой 3 (поперечно направленные дрова), однако, спустя непродолжительное время, конструкцию пересобрали, но уже со слоем 2 (ПМА 2022б).

¹ В исследованиях 2022 г. нами использовалась сквозная нумерация наблюдений, в которой первое число — номер описываемой кремации, а число после дефиса — год.

Перейдём к анализу других конструкционных особенностей, приведенных в таблице 2. На данный момент у нас крайне мало сравнительных данных, из-за чего наши возможности для интерпретации результатов ограничены. Поэтому мы остановимся на анализе лишь нескольких аспектов.

Такие параметры как размер костра, положение тела и покрытие тела тесно связаны с количеством выделенного на кремацию топлива, поэтому их имеет смысл рассматривать в единой связке.

Проще всего интерпретировать размеры погребального костра. Полученные нами оценочные значения длины и ширины сопоставимы с предполагаемыми размерами ведийского погребального костра, которые можно вычислить на основании указанных в Ашвалаяна-грихьясутре размеров костровой ямы (Ашвалаяна-грихьясутра 1990: IV, 1, 6–11; *The Grihya-sūtras* 1892: 236–237). Вероятнее всего, данная конструкционная особенность унаследована из ведийского обряда.

Положение тела на костре — важный параметр, связанный как с конструкцией погребального костра, так и с обрядовыми действиями, совершаемыми в ходе финальной церемонии. Согласно канонам индуизма, тела мужчин надлежит класть лицом вверх, а тела женщин — лицом вниз (Parry 1994; Ondračka 2022). Однако даже в Варанаси, сообщества которого известны своей строгостью в следовании религиозным предписаниям, данного правила придерживаются только члены бенгальской общины (Parry 1994). Представители индуистского населения Агры, которые используют кремационный центр Таджганджа, весьма вольно придерживаются религиозных предписаний, выводя на первый план функциональную составляющую погребального обряда¹.

С нашей точки зрения, лежащие поверх тела дрова выполняют двоякую функцию. С одной стороны, это создаёт дополнительный источник пламени над трупом, тем самым обеспечивая его более-менее равномерное обгорание с передней и задней поверхностей. С учетом того факта, что в Агре не практикуется механическое разрушение кремируемого тела, закрывание тела топливом способствует его максимально полному разрушению. С другой стороны, топливо, особенно крупные поленья, фиксируют нижние конечности, предотвращая сокращение больших мышц-сгибателей. В результате тело максимально долго остаётся в выпрямленном положении, продолжительное время контактируя с пламенем наибольшей поверхностью. По мере прогорания погребального костра его площадь уменьшается, вместе с чем прекращается горение на периферии. К этому моменту «периферийные» части тела — кисти, предплечья, стопы и голени — как правило, уже в значительной степени разрушены. Когда вышележащие поленья прогорают, а ноги отчленяются в нижней трети бедра и ниже, нередко происходит поднятие бедренных костей с остатками мышц, в некоторых случаях почти до вертикального состояния. Такое положение в какой-то степени позволяет лучше гореть мягким тканям в области тазобедренного сустава, где находится самое крупное и наиболее долго горящее скопление скелетных мышц.

Основание погребальных костров представляет из себя ровную бетонную поверхность. Вероятно, этот отход от предписанной грихьясутрами ямы продиктован прагматичными соображениями, т. к. такое место для костра гораздо проще приводить в порядок после кремации. Бетонные постаменты используются только в тех случаях, когда родственники усопшего проводят кремацию с использованием системы вытяжки для фильтрации дыма. Таким образом, их нельзя рассматривать как

¹ Более подробно этот вопрос освещён в статье: Алексеев 2025: 242–261.

вариант модифицированного места кремации (*augmented pyre-site* по А. Маршаллу).

Влияние экономического благополучия на конструкционные особенности погребального костра мы можем зафиксировать в двух аспектах. Во-первых, стремление сократить расходы на погребение приводит, в частности, к сокращению расходов на топливо, в результате чего родственники усопшего в отдельных случаях используют дешёвый по сравнению с дровами кизяк. На одну кремацию нужно около 250–300 кг дров или около 500 кг коровьего навоза (*Алексеев, Пежемский 2025: 104*). С 2018 по 2022 гг. нами отмечено увеличение частоты использования кизяка для погребальных костров. Во-вторых, сандаловое дерево вследствие дороговизны используется чаще в качестве погребального атрибута, нежели топлива. В большом количестве использовать эту дорогостоящую породу древесины в качестве дров могут лишь очень обеспеченные семьи. Данный факт является общеизвестным и отмечается не только исследователями (например, *Stevenson 1920: 149–150; Parry 1994; Ondračka 2022*), но и различного рода журналистами и публицистами.

Хотя мы не обладаем достоверными данными о доступности дров для кремации в Агре, следует отметить, что на текущий момент мы не наблюдаем свидетельств влияния дефицита топлива на саму процедуру сжигания тела или конструкцию погребального костра. Подобные явления можно видеть в других частях Южной Азии, например, в Непале, где погребальные костры имеют небольшие размеры, а работник крематория на протяжении всего процесса трупосожжения механически разрушает останки с помощью бамбукового шеста, тем самым экономя дрова (*Grévin 2007; Grévin 2009*). Костры с ложем длиной меньше длины тела используются и в Варанаси, где работники крематория складывают их с расчетом на то, что сжигаемое тело примет «позу борца» и таким образом будет занимать меньше места (*Grévin 2005*).

В завершении обсуждения важно отметить одну принципиальную особенность конструкции погребальных костров I и III типа. Эти конструкции весьма устойчивы, т. е. прогорание дров происходит более-менее равномерно, так что кремируемые тела довольно редко выпадают из костра. В то же время авторы ряда работ, посвящённых экспериментальным кремациям, отмечают, что по тем или иным причинам дрова прогорают неравномерно, вследствие чего модельные объекты оказываются за пределами области горения. С нашей точки зрения, это происходит из-за использования поленьев одинакового диаметра в верхних, средних и нижних слоях многоярусных костров. Подобную конструктивную особенность можно увидеть при внимательном изучении фотографий в соответствующих статьях (*Свиркина, Володин 2019; Jonuks, Konsa 2007; Carroll, Smith 2018*). Для изученных нами погребальных костров, напротив, характерно размещение в нижних слоях толстых брёвен, а в более высоких — тонких поленьев диаметром около 7–10 см и веток (*Рис. 2: 1–3*). При этом в пределах одного слоя дрова большего диаметра нередко расположены по краям, что создаёт определённую прочность всей конструкции (*Рис. 3: 1–4, 6; Рис. 7: 2, 4, 5, 8*). Наше предположение подтверждается экспериментальной кремацией, проведённой И. Хациконстантину и соавторами, в которой основание погребального костра было сложено из самых толстых поленьев, а вышележащие слои — из более тонких, а также из небольших веток. Данное экспериментальное сожжение продемонстрировало постепенное и относительно равномерное прогорание конструкции, в результате чего туша свиньи, послужившая модельным объектом, большую часть времени находилась по центру костра (*Chatzikonstantinou et al. 2025*).

Достоверно неизвестно, обладали ли этой конструктивной особенностью схожие погребальные костры древних культур. Например, немногочисленные изображения античных погребальных костров доносят до нас картины многоярусных сооружений из дров одинаковой длины и диаметра (Darembert-Saglio, fig. 3363, по *Noy* 2000). Впрочем, с нашей точки зрения, это изображение носит условный, не детализированный характер. Расположение полос угля в слоях курганов Днепровской группы Гнездовского могильника позволяет установить лишь расположение дров штабелем в погребальных кострах, но не их диаметр или соотношение размеров (*Жарнов* 1992).

Заключение

Зафиксированные нами на территории кремационного центра Таджганж в Агре варианты конструкции погребальных костров имеют общий план строения. Их основу составляет трёхслойное дровяное ложе, на которое участники погребальной церемонии кладут тело усопшего, закрывая его сверху слоями дров. Варианты конструкции, включающие кизяк или целиком сложенные из него, можно считать попыткой адаптировать изначальную форму под использование принципиально иного вида твёрдого топлива. Во всех вариантах описанные погребальные костры имеют устойчивую конструкцию, предотвращающую выпадение тела за пределы костра при прогорании топлива.

Зафиксированные нами размеры ложа погребального костра соотносятся с приведёнными в «Ашвалаяна-грихьясутре» размерами ямы для погребального костра, что можно расценивать как преемственность этого элемента церемонии *антьешти*. Можно предположить, что покрытие тела слоями дров или кизяка для фиксации конечностей и экономии топлива является локальной вариацией погребального обряда.

Благодарности

Автор выражает благодарность сотрудницам Государственного биологического музея им. К. А. Тимирязева М. Д. Коровкиной и К. В. Гордеевой за помощь в подготовке иллюстраций к статье, а также Е. В. Коноваловой за вклад в обсуждение особенностей конструкции погребальных костров.

Источники и материалы

- ПМА 2018а — Материалы полевых исследований автора. Описание ритуальной практики. Кремационный центр Таджганж, г. Агра, 2018 г.
- ПМА 2018б — Материалы полевых исследований автора. Зарисовки конструкции погребальных костров. Кремационный центр Таджганж, г. Агра, 2018 г.
- ПМА 2018в — Материалы полевых исследований автора. Неструктурированные интервью. Кремационный центр Таджганж, г. Агра, 2018 г.
- ПМА 2019а — Материалы полевых исследований автора. Описание ритуальной практики. Кремационный центр Таджганж, г. Агра, 2019 г.
- ПМА 2019б — Материалы полевых исследований автора. Зарисовки конструкции погребальных костров. Кремационный центр Таджганж, г. Агра, 2019 г.
- ПМА 2022а — Материалы полевых исследований автора. Описание ритуальной практики. Кремационный центр Таджганж, г. Агра, 2022 г.
- ПМА 2022б — Материалы полевых исследований автора. Зарисовки конструкции погребальных костров. Кремационный центр Таджганж, г. Агра, 2022 г.
- ПМА 2022в — Материалы полевых исследований автора. Неструктурированные интервью.

Кремационный центр Таджганж, г. Агра, 2022 г.

Census 2011 — Census of India Website: Office of the Register General & Census Commissioner, India. Population Enumeration Data (Final Population). 2011. [Электронный ресурс]. http://www.censusindia.gov.in/2011census/population_enumeration.html (дата обращения: 18.12.2018).

The Grihya-sūtras 1892 (1990) — The Grihya-sūtras: Rules of Vedic Domestic Ceremonies, translated by Hermann Oldenberg. Patr I. Oxford, Clarendon Press, 1892. 440 p. (Ашвалаяна-грихьясутра // История и культура древней Индии: Тексты / Составитель А. А. Вигасин. М.: Изд-во МГУ, 1990. 352 с.

Научная литература

Алексеев Ю. А. Критерии классификации современных погребальных костров Южной Азии // Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций. Сборник материалов / Под ред. М. В. Добровольской. М.: Институт археологии РАН, 2023. С. 35–38.

Алексеев Ю. А., Пежемский Д. В. Кремация на костре: время и характер разрушения человеческого тела // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2025. № 1. С. 99–111. <https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-25-1-10>

Алексеев Ю. А. Обряд кремации современного индуистского населения г. Агра // Этнография. 2025. № 2 (28). С. 242–261.

Жарнов Ю. Э. Погребальный обряд Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя. Дис. канд. ист. наук. Москва, 1992.

Свиркина Н. Г., Володин С. А. Опыт применения экспериментального метода для изучения античного обряда кремации // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2019. № 4. С. 114–125. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2019.4.114-125>

Alunni V., Grevin G., Buchet L., Quatrehomme G. Forensic Aspect of Cremations on Wooden // Forensic Science International. 2014. Vol. 241. P. 167–172. <https://doi.org/10.1016/j.forsci-int.2014.05.023>

Caland W. Die altindischen Todten- und Bestattungsgebräuche mit Benutzung handschriftlicher Quellen. Amsterdam: Johannes Müller, 1896. 192 p.

Carroll E. L., Smith M. Burning Questions: Investigations Using Field Experimentation of Different Patterns of Change to Bone in Accidental vs Deliberate Burning Scenarios. // Journal of Archaeological Science: Reports. 2018. Vol. 20. P. 952–963. <https://doi.org/10.1016/j.jas-rep.2018.02.001>

Chatzikonstantinou I., Fülöp K., Chronaki S., Snoeck C., Kiriati E., Triantaphyllou S. Experimental Insights into Different Funerary Burning Conditions on Crete Island, Greece // Journal of Archaeological Science: Reports. 2025. Vol. 62. P. 105067. <https://doi.org/10.1016/j.jas-rep.2025.105067>

Davis R. H. Cremation and Liberation: the Revision of a Hindu Ritual // History of Religions. 1988. Vol. 28, No. 1. P. 37–53. <https://doi.org/10.1086/463135>

Grévin G. La crémation sur bûcher dans l'Antiquité à la lumière de l'ethnoarchéologie // Ktéma Civilis. Orient Grèce Rome Antique. 2005. No. 30. P. 15–20. <https://doi.org/10.3406/ktéma.2005.938>

Grévin G. Apport archéologique et médico-légal de l'étude de la crémation sur bûcher en Inde et au Népal // Études Sur Mort. 2007. No. 132. P. 23–28. <https://doi.org/10.3917/eslm.132.0023>

Grévin G. Crématons: les leçons de l'ethnologie // Journal de la Médecine Légale, Droit Médical. 2009. No. 3–4. P. 67–70. <https://doi.org/10.54695/dss.52.03-04.2540>

Jha V. An Indigenous Method of Cremation in Earthen Containers as a Sequel to Disaster Resilience: A Case Study of Kusheshwarsthan Wetland Area in Darbhanga District of North Bihar // International Journal of Plant and Environment. 2022. No. 8 (2). P. 149–152. <https://doi.org/10.18811/ijpen.v8i02.10>

Jonuks T., Konsa M. The Revival of Prehistoric Burial Practices: Three Archaeological Experiments // Folklore. 2007. Vol. 37. No. 1. P. 91–110. <https://doi.org/10.7592/FEJF2007.37.burial>

- Kane P. V. History of Dharmaśāstra: Ancient and Mediaeval Religious and Civil Law. Vol. IV. Poona: Bhandarkar Oriental Research Institute, 1953. 926 p.
- Le Goff I. Cadavre et cremation // Techniques et culture. 2013. Vol. 60. No 1. P. 92–109. <https://doi.org/10.4000/tc.6843>
- Marshall A. Experimental Archaeology: 1. Early Bronze Age Cremation Pyres; 2. Iron Age Grain Storage. Oxford: BAR Publishing, 2011. 169 c.
- McKinley J. I. Complexities of the Ancient Mortuary Rite of Cremation: An Osteoarchaeological Conundrum // Isotopic Landscapes in Bioarchaeology / ed. by G. Grupe, G. C. McGlynn. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2016. P. 17–41. https://doi.org/10.1007/978-3-662-48339-8_2
- Mirniġ N. Liberating the Liberated: Early Śaiva Tantric Death Rites. Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 2018. 366 p.
- Noy D. Building a Roman Funeral Pyre // Antichthon. 2000. No. 34. P. 30–45. <https://doi.org/10.1017/S0066477400001167>
- Oestigaard T. Cremations as Transformations: When the Dual Cultural Hypothesis Was Cremated and Carried Away in Urns // European Journal of Archaeology. 1999. Vol. 2. No 3. P. 345–364. <https://doi.org/10.1179/eja.1999.2.3.345>
- Oestigaard T. The Deceased's Life Cycle Rituals in Nepal: Present Cremation Burials for the Interpretations of the Past. Oxford: BAR Publishing, 2000. 66 p.
- Ondračka L. Antyeṣṭi // Hinduism and Tribal Religions / ed. by J. D. Long, R. D. Sherma, P. Jain, M. Khanna. Springer Nature, 2022. P. 79–84. https://doi.org/10.1007/978-94-024-1188-1_188
- Parry J. P. Death in Banaras. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1994. 314 p.
- Singh R. N. Many Lives of the Dead in Banaras: Towards an Anthropology of the Indefinite Social // Contributions to Indian Sociology. 2016. Vol. 50. No. 1. P. 27–51. <https://doi.org/10.1177/0069966715615023>
- Stevenson S. The Rites of the Twice-Born. London; New York: H. Milford; Oxford University Press, 1920. 474 p.

References

- Alekseev, Yu. A. 2023. Kriterii klassifikatsii sovremennykh pogrebal'nykh kostrov Yuzhnoi Azii [Criteria for the Classification of Modern South Asian Funeral Pyres]. In *Metodicheskie aspekty izucheniia drevnikh i srednevekovykh krematsii. Sbornik materialov* [Methodological Aspects of the Study of Ancient and Medieval Cremations. A Collection of Articles], ed. by M. V. Dobrovolskaia. Moscow: Institute of Archeology RAS. 35–38.
- Alekseev, Yu. A., and D. V. Pezhemsky. 2025. Krematsiia na kostre: vremia i kharakter razrusheniia chelovecheskogo tela [Cremation at the Pyre: Time and Nature of Destruction of the Human Body]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya* 1: 99–111. <https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-25-1-10>
- Alekseev, Yu. A. 2025. Obryad kremacii sovremennogo induistskogo naseleniya g. Agra [Cremation Ritual of the Modern Hindu Population of Agra]. *Etnografija* 2(28): 242–261.
- Alunni, V., G. Grevin, L. Buchet and G. Quatrehomme. 2014. Forensic Aspect of Cremations on Wooden Pyre. *Forensic Science International* 241: 167–172. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2014.05.023>
- Caland, W. 1896. *Die altindischen Todten- und Bestattungsgebräuche mit Benutzung handschriftlicher Quellen* [Ancient Indian Death and Burial Customs Using Manuscript Sources]. Amsterdam: Johannes Müller. 192 p.
- Carroll, E. L., and M. Smith. 2018. Burning Questions: Investigations Using Field Experimentation of Different Patterns of Change to Bone in Accidental vs Deliberate Burning Scenarios. *Journal of Archaeological Science: Reports* 20: 952–963. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2018.02.001>
- Chatzikonstantinou, I., K. Fülöp, S. Chronaki, C. Snoeck, E. Kiriati and S. Triantaphyllou. 2025. Experimental Insights into Different Funerary Burning Conditions on Crete Island, Greece. *Journal of Archaeological Science: Reports* 62: 105067. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2025.105067>

- Davis, R. H. 1988. Cremation and Liberation: The Revision of a Hindu Ritual. *History of Religions* 28(1): 37–53. <https://doi.org/10.1086/463135>
- Grévin, G. 2005. La crémation sur bûcher dans l'Antiquité à la lumière de l'ethnoarchéologie [Cremation on Pyre in Antiquity in the Light of Ethnoarchaeology]. *Ktéma Civilis. Orient Grèce Rome Antique* 30: 15–20. <https://doi.org/10.3406/ktema.2005.938>
- Grévin, G. 2007. Apport archéologique et médico-légal de l'étude de la crémation sur bûcher en Inde et au Népal [Archaeological and Forensic Medical Contribution to the Study of Cremation on Pyre in India and Nepal]. *Études Sur Mort* 132: 23–28. <https://doi.org/10.3917/eslm.132.0023>
- Grévin, G. 2009. Crémations: les leçons de l'ethnologie [Cremations: Lessons from Ethnology]. *Journal de la Médecine Légale, Droit Médical* 3–4: 67–70. <https://doi.org/10.54695/dss.52.03-04.2540>
- Jha, V. 2022. An Indigenous Method of Cremation in Earthen Containers as a Sequel to Disaster Resilience: A Case Study of Kusheshwarsthan Wetland Area in Darbhanga District of North Bihar. *International Journal of Plant and Environment* 8(2): 149–152. <https://doi.org/10.18811/ijpen.v8i02.10>
- Jonuks, T., and M. Kansa. 2007. The Revival of Prehistoric Burial Practices: Three Archaeological Experiments. *Folklore* 37(1): 91–110. <https://doi.org/10.7592/FEJF2007.37.burial>
- Kane, P. V. 1953. *History of Dharmaśāstra: Ancient and Medieval Religious and Civil Law*. Vol. IV. Poona: Bhandarkar Oriental Research Institute. 926 p.
- Le Goff, I. 2013. Cadavre et crémation [Corpse and Cremation]. *Techniques et culture* 60(1): 92–109. <https://doi.org/10.4000/tc.6843>
- Marshall, A. 2011. *Experimental Archaeology: 1. Early Bronze Age Cremation Pyres; 2. Iron Age Grain Storage*. Oxford: BAR Publishing. 169 p.
- McKinley, J. I. 2016. Complexities of the Ancient Mortuary Rite of Cremation: An Osteoarchaeological Conundrum. In *Isotopic Landscapes in Bioarchaeology*, ed. by G. Grupe and G. C. McGlynn. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. 17–41. https://doi.org/10.1007/978-3-662-48339-8_2
- Mirniġ, N. 2018. *Liberating the Liberated: Early Śaiva Tantric Death Rites*. Wien: Austrian Academy of Sciences Press. 366 p.
- Noy, D. 2000. Building a Roman Funeral Pyre. *Antichthon* 34: 30–45. <https://doi.org/10.1017/S0066477400001167>
- Oestigaard, T. 1999. Cremations as Transformations: When the Dual Cultural Hypothesis Was Cremated and Carried Away in Urns. *European Journal of Archaeology* 2(3): 345–364. <https://doi.org/10.1179/eja.1999.2.3.345>
- Oestigaard, T. 2000. *The Deceased's Life Cycle Rituals in Nepal: Present Cremation Burials for the Interpretations of the Past*. Oxford: BAR Publishing. 66 p.
- Ondračka, L. 2022. Antyeṣṭi. In *Hinduism and Tribal Religions*, ed. by J. D. Long, R. D. Sherma, P. Jain and M. Khanna. Springer Nature. 79–84. https://doi.org/10.1007/978-94-024-1188-1_188
- Parry, J. P. 1994. *Death in Banaras*. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 314 p.
- Singh, R. N. 2016. Many Lives of the Dead in Banaras: Towards an Anthropology of the Indefinite Social. *Contributions to Indian Sociology* 50(1): 27–51. <https://doi.org/10.1177/0069966715615023>
- Stevenson, S. 1920. *The Rites of the Twice-Born*. London, New York: H. Milford, Oxford University Press. 474 p.
- Svirkina, N. G., and S. A. Volodin. 2019. Opyt primeneniia eksperimental'nogo metoda dlia izucheniia antichnogo obriada krematsii [The Experience of Using an Experimental Method to Study the Antiquity Cremation Rite]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya* 4: 114–125. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2019.4.114-125>
- Zharnov, Yu. E. 1992. *Pogrebal'nyi obriad Drevnei Rusi po materialam Gnezdovskogo nekropolia* [Funeral Rite of Ancient Rus Based on Materials of Gnezdovo Necropolis]. PhD diss., Moscow State University.